

Бывший балерун Большого театра, а ныне лидер группы "Бони Нем", племянник актрисы Светланы Немоляевой, двоюродный брат актера "Ленкома" Александра Лазарева-младшего Кирилл Немоляев на ТВ-6 исполняет роль шута. А заодно вместе с таким же "отмороженным" Николаем Семашко в программе "Крутятся диски" занимается активным внедрением в массы старых песен о главном. Народ над передачей плачет и заваливает ее мешками письменных просьб в сотый раз показать "Песняров" или "Голубые гитары". Немоляев заявки с удовольствием исполняет и тихо посмеивается над своим зрителем.

КИРИЛЛ НЕМОЛЯЕВ: СоВок

Как ты впервые оказался на ТВ?
— В 92-м году, еще будучи артистом балета, на питерском ТВ мне посчастливилось делать программу "Нержавейка". Меня привел друг детства, который теперь работает в ВИДе. Но сначала то же самое я делал на радио Эс-эн-си. "Нержавейка" — программа о тяжелой металлической музыке. Ровно год мы выходили в эфир.

Как же ты смог органично перейти из балета в тяжелый рок?

— Лучше спросить, как такой металлист, как я, стал артистом балета. Здесь воля родителей и достаточно банальная вещь — возможность не служить в наших Вооруженных Силах. Но еще и возможность увидеть весь мир, что в то время было практически нереально ни за какие деньги. Тогда балет был витриной государства.

— В балетное училище ты поступил по благу?

— Нет, никакого блага. Данных особых у меня никогда не было. Но некоторое зверство и темперамент, видимо, имелись. Танцевал я на вступительных экзаменах испанский танец. Папа, правда, склонял меня к матросскому танцу "Яблочко", но я не послушался. Так началась моя эпопея с загубленным детством и обучением в хореографическом училище с девяти до шести. Каторга. Зато потом повезло, было много вакансий в Большом театре, и половину нашего потока туда взяли.

— А голубые в Большом к тебе не приставали?

— На себе я этого, слава Богу, не чувствовал. Все-таки русский балет отличается от западного в этом плане. Например, в труппе Бежара голубых процентов 80. У нас такого нет. "Иван Грозный", "Каменный цветок" или, скажем, "Спартак", где исполнители мужских ролей голубыми просто не могут быть в принципе, потому что совсем другая эстетика. Поэтому, когда говорят, что много ледерастов... да, они есть, их, может быть, чуть больше, чем везде, но не подавляющее большинство. Но тогда и балет, и наших голубых я рассматривал как часть всего советского идиотизма. Такого ни в одной стране нет. Первым историком этого маразма был Сергей Курехин, который в 88-м году сказал, что Ленин был грибом. И мы с Семашко сначала написали учебник по истории СССР, потом вот сделали программу "Крутятся диски".

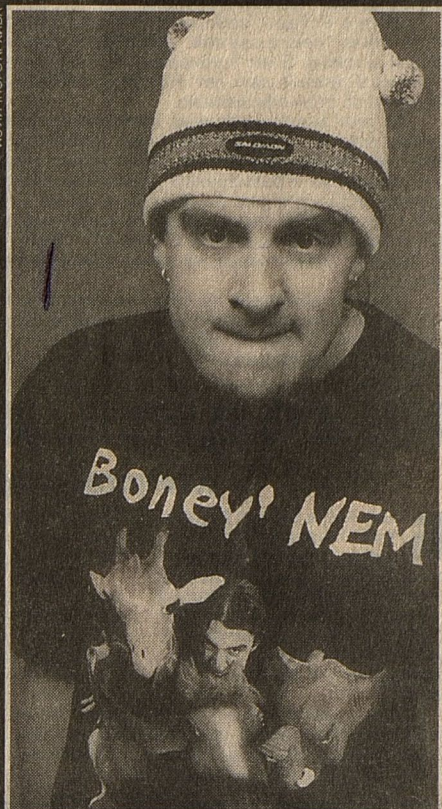
— Но люди искренне ностальгируют по старым песням, которые ты показываешь.

— Когда они видят Рената Ибрагимова, Розу Рымбаеву, Тыныса Мяги, им этого достаточно, и не важно, что я при этом говорю. Наша программа — лечебно-терапевтическая. Да мы и не хотим кого-то унижать, а пробуем создать атмосферу легкого бреда. Но разве не здорово произносить фразы: "По вашим многочисленным заявкам мы передаем песню..."?

— То есть такой "день совка", по которому люди тоскуют и всегда ждут, чтобы им показали какую-нибудь "Песню-73".

— На том и стоим. Сейчас группы очень быстро стареют. Например, приходит к нам группа "Нэнси", просит, чтобы показали их клип. Я говорю: "Ребята, лет через пять, еще не дозрели". А вот Богдан Титомир сейчас уже типичное ретро. Казалось, хай энержи, модное движение молодежи, а прошло восемь лет — и все. Или Кай Метов — тоже уже ретро. Поэтому наша программа может еще жить очень долго. У нас хорошая связь с Телерадиофондом, есть свой архив.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

БЕЗ ДУРАКОВ

— Наверное, есть люди, которые считают, что ты над ними просто издеваешься?

— Не было такого. Один только раз мы показывали космонавта Севастьянова на "Песне-78". Сначала, когда Толкунова пела "Носики-курносики сопят", он улыбался. А в другой песне был серьезен. Так мы все время его чередовали. И вот нам один зритель написал: "Почему вы все время показываете космонавтов с одинаковыми лицами?" А вообще, главный у нас в программе Семашко. Он, конечно, маргинальный вундеркинд, лицо без гражданства, у него паспорта нет. Плюс ко всему он фантастический врун. Его жизнь — то эмиграция на Сейшельские острова, то работа грузчиком, потом в Ленинской библиотеке. При каждой нашей встрече он меня всегда удивляет. На него невозможно обидеться.

— А на тебя?

— Наверное, можно. Но мы — два сапога пара: я без него ничего бы не сделал, а он без меня не имел бы средств к существованию. Семашко патологически не умеет зарабатывать деньги, зато умеет их хорошо тратить.

— Получается, что именно в этом нескончаемом совке ты чувствуешь себя как рыба в воде?

— Конечно. На Западе скучно. Ты приезжаешь в Ирландию в 90-м, а потом в 96-м — и все одно и то же. Та же погода: зимой +7°, летом +14°, в тех же магазинах стоят те же продавцы, и ничего не происходит.

— Есть у тебя на ТВ родственные души?

— Есть. Например, Андрей Кнышев и его программа "Веселые ребята". Классный был проект. Мне очень хотелось бы с Кнышевым поработать. Еще дибровскую "Антропологию" уважаю.

— Но сейчас-то на ТВ совсем другие фишки. "Моя семья", например.

— Не перевариваю. Это образец чудовищной пошлости. Все это — зарабатывание денег и высосано из пальца. Многие на ТВ идут только за деньгами, а это пагубно для творчества.

— Ты молодец, однако. А теперь докажи, что все твои слова не очередная лапша на уши, которую так любят вешать артисты наивным журналистам.

— Ну, ты спросил. Что тебе сказать? Живу в кайф, это так на самом деле. Времени свободного нет — тоже правда. Совок люблю — тоже без дураков. А как все это доказать, черт его знает.

Александр МЕЛЬМАН.